

**«ПОРТРЕТ ДУШИ И СЕРДЦА...»
(О РУССКИХ ПОЭТАХ С.Я. АЛЫМОВЕ И Ю.И. ГАЛИЧЕ)**

Гребенюкова Наталья Петровна
старший научный сотрудник
Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Хабаровск

Аннотация. Объектом исследования статьи является судьба и творчество двух русских поэтов, которые работали на Дальнем Востоке в 1910-1920-е годы. Автор рассматривает и сопоставляет особенности их творческого стиля, гражданскую позицию поэтов.

Ключевые слова: лейб-гвардии кирасирский полк, Николаевское кавалерийское училище, эгофутуризм, имажинисты, символисты, кларисты, Пролеткульт, синкретизм творчества, мировой совдеп, Карело-Мурманский и Беломоро-Балтийский ИТЛ, аксиологические вопросы.

**«PORTRAIT OF SOULS AND HEARTS...»
(ABOUT RUSSIAN POETS S.I. ALYMOV AND Y.I. GALICH)**

Grebenyukova Natalya Petrovna
senior research associate
N.I. Grodekov Khabarovsk Regional Museum, Khabarovsk

Abstract. The object of this research is the fate and the works of two Russian poets who worked in the Far East in 1910-1920. The author examines and compares the features of their creative style and civic position.

Keywords: the life guard cuirassier regiment, The Nikolaev cavalry school, ecofutures, the imagist, symbolists, clarity, The Proletkult, the syncretism of the creation, world Council of deputies, Karelian-Murmansk and the white sea-Baltic ITL, axiological questions.

Творческий портрет литератора нельзя представить вне его судьбы и особенностей художественного стиля, который, по словам Н.М. Карамзина, отражает «портрет души и сердца» автора. В статье речь пойдёт о двух поэтах, оказавшихся в одно время во Владивостоке: о Сергее Яковлевиче Алымове (1892-1948) и Юрии Галиче (Георгии Ивановиче Гончаренко) (1877-1940).

Сергей Яковлевич Алымов родился 5 апреля 1892 г. в селе Славгород Харьковской губернии в семье «народной учительницы» и крестьянина, учился в Харьковском коммерческом училище, но не окончил его, так и не получив систематического образования. Юрий Иванович Гончаренко, напротив, много учился. Он с отличием окончил Полоцкий кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище Генерального штаба (выпущен корнетом в лейб-гвардии кирасирский Её величества полк), успешно завершил обучение в Николаевской академии, «за отличные успехи вышел в полк гвардейских Синих кирасир», с отличием окончил Офицерскую кавалерийскую школу... Где бы ни учился Юрий Иванович, он всегда, при многочисленных своих талантах, проявлял старание и прилежность: ему было девять лет, когда умер отец, и «благополучная жизнь кончилась» – приходилось рассчитывать только на себя. По воспоминаниям дочери Ю.И. Гончаренко Н.Ю. Гончаренко, литературной деятельностью поэт стал заниматься «после окончания Николаевского кавалерийского училища, примерно в 1897-1901 гг.», «очень хорошо рисовал», любил и понимал музыку [3].

Ранние стихи поэтов, близкие по духу лёгким, напевным, лишённым стереотипов «поэзам» эгофутуриста Игоря Северянина, роднит фонетическая выразительность речи, изысканность образов и метафор, которые пленяли прекрасных дам и вызвали иронию строгих критиков.

Сергей Алымов и Юрий Галич тщательно работали над звуковой стороной произведения, делая его особенно музыкальным. Они использовали звуковые повторы, стремились к чистоте стихотворного размера,

иногда прибегая к усечению последней стихотворной строки – к эмоционально-экспрессивному выделению ключевого слова. У С.Я Алымова и у Ю.И. Галича анафора соединяется с эпифорой, что придаёт особую музыкальность стихотворной речи в сочетании со звуковыми повторами. У Алымова: «Вы экстрактность столетий, одно на одно не похожих! / Вы лирический склеп ощущений египетских мумий! / Вы сидели в гондолах на Лидо собравшихся дождей, – / Из-за Вас погибали орлы-храбрецы Монтесумы... / Вы – поющая музыка дряхлых, морщинистых фактов, / Вы – Сезам, сохранивший нетронутой, свежей их юность, – / Вы – капризное море мелодий, напевов и тактов. / Вы – звучащая тысячеразностно струны!» («На маскараде»). В последней стихотворной строке автор злоупотребляет аллитерациями, навязчиво усиливая фонетическую сторону речи, и нарушение меры приводит, напротив, к неблагозвучию («тысячеразностно струны»). У Галича примеры лексической анафоры: «Днём там тихо, днём там сонно, / Дышит синью свод бездонный... Но лишь гуще станут тени, / Станет гуще острый яд» («Сингапурская поэма»). Сочетание у Галича звуковых (щелевые зубные С, З и аффриката Ц), лексических, синтаксических повторов, многосоюзие и бессоюзие придаёт поэтической речи особую выразительность: «И слышу зов, и смех, и песни, / И ласку, ласку без конца – / А ночь все ближе, все чудесней, / Подходит с заднего крыльца...» («Отчизна»).

В потоке стихотворной речи поэтов отдельные слова приобретали интонационную самостоятельность и семантическую весомость. Ю.И. Галич, как и С.Я. Алымов, прибегая к разным стилистическим фигурам (в том числе лексической и строфической анафоре) и звукописи, исключает из стихотворного текста слова, звуки которых могли бы разрушить создаваемый акустический художественный образ и диссонировать. У Галича: «Любовь – лукавой лютни лепет. / Любовь – левкоев лунный луг. / Любовь – лазурь и ласка лета. / Любовь – и ландыш и латук» («Любовь»). Сонорный палатализованный и твёрдый «Л» сочетает-

ся с ударным и редуцированным гласным переднего ряда «У», который имеет семантическую весомость и порождает предметно-смысловые ассоциации. У Алымова: «И медленно идём мы / Вдоль стен лесного дома» («Осенник») – автор, создавая эстетический идеал осени, опускает резкие звуки, отдавая предпочтение палатализованному «Л» и щелевому свистящему «С».

Отдельные ранние стихи С. Алымова и Ю. Галича близки по художественному методу и символистам, и эгофутуристам. Стихотворение Юрия Галича «Это было весною» можно соотнести с известным произведением поэта-символиста К.Д. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени...». Оба стихотворения, написанные анапестом, характеризует повтор-стык: «Я мечтою ловил уходящие тени, / Уходящие тени погасавшего дня...» (К.Д. Бальмонт); «Это было весною, когда нежные струны, / Когда нежные струны так поют и звенят...» (Ю.И. Галич).

В стихах С. Алымова проявляется «речетворчество» футуризма: затемнённая лексическая значимость отдельных авторских неологизмов, новые «корнесловия» и необычные приёмы подчинения слов: «Зачем огербарить, что соно и майски красиво?.. / Зачем сожаленья, обиды и пошлость упрёка?.. / Ждёт новая радость, закончен дуэт горделиво / И ветроподобно избегнем привычки жестокой...» («Правда»). В стихах Сергея Алымова немало футуристического эстетизма (его крайность – антиэстетизм, проявившийся в одном из псевдонимов поэта – «Дер Мо»). Показательно в этом отношении стихотворение из сборника «Кiosk Нежности»: «Ты пришла, наконец, ты пришла, / Дорогую сняла свою шляпу, / И, смеясь, сенбернара взяла / За большую мохнатую лапу. / Уронила на скрипку мантию, / Протянула капризно уста мне, / И поблекшей гравюре Ватто / Улыбнулись колец твоих камни».

Тематически стихи поэтов отличаются: в произведениях Юрия Галича, как в стихах Н.С. Гумилёва и А.А. Ахматовой, присутствует сакральная география с философскими понятиями суши и воды (стабиль-

ность и подвижность), с таинственными маршрутами «на полустёртых картах». У Галича: «И, окружённый бездной водной, / Внимая дьявольскому гулу, / Когда мне Крест засветит Южный. / Маяк лучистый сквозь туман- / Я, одинокий и свободный, / Умчусь в далёкий Гонолулу, / Где плещет тихий и жемчужный, / И вечно юный – Океан. /» (Н. Гумилёву. «Искатель жемчуга»).

В ранней лирике Сергей Алымов пишет об утончённых эмоциях, о «влеченьях эстетов», «обильных лобзаньях», «оранжевых ласках», «пикантных ножках», «душистом саше души», «пеньюаре бебэ из кружев». В книге «Оклик мира» поэт призывает к «мировому совдепу» в странах Европы, Азии, Америки.

В другом стихотворении «Внимаю звёздам» поэт пишет о себе:

Слышно, как века летят в бессмертье,
Как минуты падают в века...
Я под звёздами.
Я на концерте.
Звёзды – Вечность – Облака.
Музыка простая.
Но у Баха
Ораторий величавей нет.
Я внимаю звёздам -
Растеряха,
Звёздный пахарь,
Знахарь
И поэт.

Однако, при фонетическом сходстве поэтического творчества Юрия Галича и Сергея Алымова, гражданская позиция поэтов была противоположна.

Юрий Иванович Гончаренко был потомственным офицером (его отец был участником Русско-турецкой войны) и защитником Отечества. Ю.И. Гончаренко всегда старался следовать завету А.В. Суворова о том, что офицер должен быть «весьма смел, но без запальчивости, скор без опрометчивости, деятелен без легкомыслия, подчинён без униженности, непринуждён без лукавства, твёрд без упрямства, основателен без педантства, приятен без ветрености, благорасположен без коварства, проныцателен без простодушия (глупости), приветлив без околичностей, услужлив без корыстолюбия». Это офицерский идеал стал «вторым я» личности поэта.

Первую мировую войну Ю.И. Гончаренко встретил в чине полковника, за личную храбрость был удостоен наград: Ордена Святого Станислава III степени (1906), Ордена Святой Анны III степени (1913), Ордена Святого Владимира III степени с мечами (1916), за отличие командиром 19 драгунского Архангелогородского полка награждён Георгиевским оружием (1917). С 1918 г. был генеральным хорунжим при штабе гетмана Украины П.П. Скоропадского. С 1919 г. был зачислен в резерв чинов при штабе главнокомандующего вооружёнными силами Юга России А.И. Деникина. Юрий Гончаренко был свидетелем и участником эпических событий русской истории I половины XX века. Он был знаком с такими известными личностями, как военачальники и государственные деятели П.К. Ренненкампф, А.А. Брусилов, К.Г.Э. Маннергейм, П.П. Скоропадский, В.Г. Болдырев, писатели К.К. Случевский, семья Сувориных, П.М. Пильский, А.Н. Толстой, историк и геральдист В.Л. Модзалевский, художник-график Г.И. Нарбут.

Творчество никогда не прибавляло поэту-офицеру расположения воинского коллектива и часто лишало его должного внимания к выполнению повседневных воинских обязанностей, и поэты часто пользовались псевдонимом. Литературный псевдоним Ю.И. Гончаренко взял по названию города Галич, одного из центров Галиции, за который шли

кровапролитные сражения, и город переходил из рук в руки во время Первой мировой войны. При жизни Ю.И. Гончаренко издал 18 книг стихов и прозы, критики хвалили его и ругали, но не оставались равнодушными к его творчеству. В.В. Набоков в 1927 г. в рецензии на книгу «Орхидея» писал: «Прочитав весь сборник, я пожалел, что автор не остановился... на теме о вот таких охотничьих рассветах... Скверной олеографией кажутся эти изображенья тропического мира, и неприятным ювелирным блеском отливают многие и многие строки Галича» [6].

А.И. Несмелов вспоминал: «Познакомился я тут, между прочим, с замечательным человеком – Юрием Галичем... Этот генерал издал во Владивостоке книгу стихов, названную им, кажется, «Свиристели»... [пожалуй, это сборник «Орхидея», изданный во Владивостоке в 1921 г. – Н.Г.]. С. Третьяков, он был товарищем министра внутренних дел, хотел его за бездарность этой книги выслать из Приморья. Отговорили» [7, С. 230-231].

В заглавном стихотворении этого сборника, написанном чётким ямбом с пиррихием, есть такие строки: «В лесу свистели свиристели, / И полдень словно изнемог. / А под сосной, как пух постели, / Лежал курчавый рыжий мох...». Увлечшись игрой свистящими и сонорными согласными, поэт, может быть, намеренно снижает звуковой образ винтовочных выстрелов, сравнивая смертоносный огонь с грациозным французским танцем шаконом: «А на полянке, за болотом, / Как нескончаемый шакон, / Как пчёлы, липнущая к сотам, / Трещал винтовочный огонь».

Поэты Владивостока за художественную манеру Галича называли его «экзотным». В стихотворении «На золоторожском Парнасе» (обозрение) автор с гротеском писал: «Трость струн тромбы, трость струн ромбы, / Гром бы, ром бы, как река лечь!» / И на взрыв полтиной «Бомбы» / Кинул лаг экзотный Галич» [11, с. 68].

Сергей Алымов в 1908 г. за причастность к анархизму был исключён из училища и более года провёл под стражей. В 1910 г., арестованный

за участие в «Летучей боевой железнодорожной харьковской группы анархистов-коммунистов», год просидел в одиночной камере. В Орловском центре Сергей Алымов начал писать стихи [8]. Летом 1911 г. Алымов, ввиду несовершеннолетия, был сослан в Енисейскую губернию «на вечное поселение», но через несколько месяцев бежал в Китай и добрался до Австралии. Есть сведения, что он в эти годы побывал ещё на Филиппинах, в Гонконге, в Корее и Японии, на островах Тихого и Индийского океанов [1]. Сергей Алымов сменил много профессий: циркового борца, актёра варьете, журналиста. В австралийском городе Брисбене работал грузчиком, землекопом, лесорубом, мясником на скотобойнях, чистильщиком сапог при гостинице; был на рыбных промыслах, резал сахарный тростник [9]. Во время пребывания в Брисбене Алымов стал публиковать в австралийских изданиях, в том числе в газете «Уоркер», свои стихи [8].

Судьба свела двух поэтов во Владивостоке. Если Сергей Алымов, поселившись в Харбине в 1917 г., служил на КВЖД и время от времени приезжал во Владивосток, то Юрий Галич прибыл на Дальний Восток в начале 1920 г. через Константинополь и был зачислен в запас сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы М.К. Дитерихса, на должность Внештатного генерала. Во Владивостоке поэт жил примерно с 1919 по 1922 год.

Художественная жизнь Владивостока II половины 1910-х – начала 1920-х гг. вызывает интерес, который усиливается в свете открывающихся фактов. Талант поэтов, оказавшихся в годы Гражданской войны на крайнем востоке России, был подобен вспышке метеорного потока. Литераторы называли себя футуристами, хотя творческие их методы отличались: кроме последователей Д.Д. Бурлюка, среди них были имажинисты, символисты, акмеисты, кларисты, даже импрессионисты и просто одарённые поэты, не связанные узами определённой художественной школы. Их эстетические пристрастия были близки, воссозда-

ваемый в произведениях мир воспринимался мультисенсорно, творчество отличали синкретизм и относительная свобода от литературных штампов.

В то же время С.Я. Алымов и Ю. Галич, наряду с Д.Д. Бурлюком, Н.Н. Асеевым, С.М. Третьяковым, Л.Е. Ещиным, А.И. Несмеловым и другими поэтами, были участниками литературно-художественного общества Владивостока, активно сотрудничали с журналом «Творчество». С. Алымов стихи публиковал под псевдонимом «Кузьма Жах» («жах» в переводе с украинского языка означает «ужас», «жуть»). Этим же литературным именем подписаны и стихи поэта в рукописном журнале «У врат грядущего» (Благовещенск, 1921), который, к слову сказать, хранится в фондовом собрании Гродековского музея.

Алымов и Галич были завсегдатаями клуба «Балаганчик», Алымов занимал пост члена президиума Владивостокского отделения Пролеткульта, и жизнь его проходила между Владивостоком и городами Китая. Поэт был одним из редакторов одной из лучших харбинских газет «Рупор», литературно-художественного ежемесячного журнала «Окно», в издании которого участвовали Вс.Н. Иванов, А.И. Несмелов, сотрудничал в журналах «Фиал», «Гонг», входил в состав местной студии «Кольцо», занимался переводами, публиковал стихи, эссе и театральные рецензии. При этом он пел, танцевал в кабаре, иногда устраивал пьяные скандалы и вызывал противников на дуэль.

По воспоминаниям Ю.В. Крузенштерн-Петерец, поэт «был кумиром харбинской молодёжи». С 1920 по 1922 гг. Сергей Алымов выпустил в Харбине книги стихов «Киоск нежности» (1920), «Оклик мира» (1921), «Арфа без молний» (1922).

«Киоску нежности» было посвящено несколько рецензий. Наиболее заметные из них – Н. Асеева, Ноэля, Владимира Силлова, Петра Незнамова. В своей рецензии Ноэль писал: «...Стихи красочны, музыкальны, ароматны, если так можно выразиться» [8]. П. Незнамов в рецензии на

книгу «Киоск нежности» отмечал: «Настоящий цикл стихов С.Я. Алымова не больше, как рукоделье. <...> Стремление забросать читателя засахаренными орешками слова, - всё это вместе взятое – и в лошадиной дозе – создаёт из «Киоска» замкнутый и в меру пошловатый концерт. Отсюда нет выхода. <...>». В той же рецензии автор отмечает: «С. Алымов умеет подчас быть экономным со словом, умеет твёрдо поставить строфу, умеет временами хорошо проработать материал, но – только временами» [10].

После 1922 г. часть поэтов эмигрировала в Китай, часть уехала в центральную Россию [4]. Они должны были сделать выбор, который впоследствии определил их судьбу. Юрий Галич, совершив кругосветное путешествие, в 1923 г. оказался в Латвии, а Сергей Алымов вернулся в 1926 г. из Китая в СССР.

Поэтесса Мария Визи, близкая подруга Ю.В. Крузенштерн-Петерец, вспоминала: «Алымов прожил в Харбине лет семь. Ему не везло. Стихи не кормили, пришлось пойти работать в газету репортёром. Стал пьянствовать, буянить. На балу в «Модерне» разбил кому-то физиономию. Иногда допивался до того, что знакомые отшатывались от него на улице. В последний раз я видела Алымова в 1926 году, в кабаре «Фантазия». Он явился туда грязным, небритым, в опорках на босу ногу, в пальто, под которым, вероятно, ничего не было. Присел на перила одной из лож и, болтая голыми ногами, заговорил со знаменитой тогда в городе красавицей. Красавица, вся в золотых кружевах, – смутилась, муж её вызвал метрдотеля. Публика заволновалась – будет скандал! Но скандала не было. Метрдотель прибежал, пошептал что-то на ухо Алымову: тот встал, грустно обвёл всех своими чудесными глазами: – Разве я кого-нибудь обижаю... – и тихо вышел, придерживая у горла воротник пальто» [2].

В Москве С.Я. Алымов писал произведения на актуальную тему – сценарий кинофильма «Вор» о борьбе корейцев с эксплуататорами

(1928), повесть «из китайской жизни» «В атласной темнице» и роман «Нанкин-род» (1929). В 1929 г. Алымов «подредактировал» текст партизанского гимна поэта, участника революционных событий на Дальнем Востоке, военного дипломата, государственного деятеля П.С. Парфёнова «По долинам и по взгорьям», записанный из уст участников Гражданской войны, и опубликовал его под своей фамилией. В 1934 г., ещё при жизни Петра Парфёнова, в газете «Известия» появилась коллективная статья, в которой указывалось имя подлинного автора. А в двадцать первом номере журнала «Красноармеец-Краснофлотец» за 1934 г. сам Петр Семёнович рассказал историю создания «Партизанского гимна», однако С.Я. Алымов продолжал настаивать на авторстве; в 1937 г. П.С. Парфёнова репрессировали. Песня под фамилией Сергея Алымова была включена в репертуар ансамбля красноармейской песни под руководством А.В. Александрова, стала широко известной в СССР, и только в 1962 г. была установлена истина [5].

В 1930 г. С.Я. Алымова арестовали, осудили и отправили в «Карело-Мурманский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ». В Беломоро-Балтийском ИТЛ Сергей Яковлевич стал организатором и первым редактором общелагерной газеты «Перековка», прославлял лагерных чекистов, внушая заключённым, что они живут в самой свободной стране, участвовал в создании книги очерков «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства», и весной 1934 г. был досрочно освобождён. Он по заказу написал ещё семь песен на лагерную тему, восхвалял «солнце-Сталина», обрёл популярность.

В 1942 г., благодаря ходатайству маршала К.Е. Ворошилова, Сергея Яковлевича зачислили в кадры Главного политического управления ВМФ и отправили на Черноморский флот. Находясь в осаждённом городе, он участвовал в боевых операциях, ходил в разведку, был награждён орденом «Красная звезда» и медалью «За оборону Севастополя». В новогоднюю ночь 1942 г. в осаждённом Севастополе Алымов несколько

раз выстрелил в портрет Сталина, но никто из присутствовавших не донёс на поэта [1].

Судьба связана со свободой нравственного выбора и с характером, и она неизбежнее, чем просто случайность. Череда событий закономерна, человек ориентирован на конечный результат своих поступков и, если он не обладает должной силой духа, чтобы сопротивляться злу, жизнь его предрешена.

В Риге Ю. Галич был кавалерийским инструктором в Военной школе, судьей на ипподроме. Он писал в газете «Дни», был постоянным сотрудником газеты «Сегодня», с 1934 г., печатался в журналах «Наш Огонек» и «Для Вас». За несколько лет поэт выпустил сборник стихотворений «Орхидея. Тропические рифмы» (1927), книги прозы «Императорские фазаны» (1926), «Золотые корабли. Скитания» (1927), «Зеленый май. Латвийские новеллы» (1929), «Волчий смех» (1929). У Юрия Галича были стихи не только в стиле эгофутуристов и символистов; в них отражалась боль пережитого на фронте, личная ответственность за судьбу Родины, молитва за убитых на Гражданской войне соотечественников и горячее, беспристрастное покаяние в содеянном:

Белым саваном окрестности увиты,
Ветер скорбное разносит песнопенье.
Я хочу молиться за убитых,
За мечи, распавшиеся в звенья.

За друзей, навеки замолчавших,
За врагов, сражавших и сражённых,
За не дружных, без вести пропавших,
И за всех, за всех вооружённых.

А потом, к священному подножью

Припаду усталой головою -
Пусть мой путь, увитый злом и ложью,
Зарастёт колючею травой.
(«Панихида»)

Эти строки написаны, возможно, в горькую минуту. Есть понятие долга и обострённой совести; когда рушится мир, нельзя оставаться холодным наблюдателем происходящего тому, кто дал присягу «не осквернить священного оружия и не предать Отечества». У поэта и волевого, требовательного к себе военачальника, от которого зависела жизнь сотен людей, гиперболизировано зло, которое, он сеял.

Автор прибегает к символике белого цвета, который означает духовную власть, святость и спасение... Лирический герой, и отважный, и великодушный, но втянутый в братоубийственную бойню и уставший от ненависти, казнит самого себя. Он считает долгом смело идти в бой, быть хорошим солдатом, сражаться без страха и ненависти. В отличие от заупокойной панихиды, в которой звучали слова «Спасе! Спаси мя!», стихотворение-молитва заканчивается призывом навлечь на себя проклятие.

Сергея Алымова не волновали подобные аксиологические вопросы. В царской России он бунтовал против монархии - в эмиграции призывал молодёжь уезжать в советскую Россию и публиковал статьи и стихи, посвящённые Ленину, помогал харбинским коммунистам. В советской Москве «он ни в грош не ставил марксистскую идеологию, но при этом был яростным патриотом России» [1]. Ненавидя И.В. Сталина за свой арест, за пережитые унижения, за смерть близких ему людей, Сергей Алымов неустанно воспевал при этом вождя и его режим. Вспышка безотчётной ненависти к государственному строю, спонтанно прорвавшаяся в расстреле портрета «отца народов», не была проявлением инакомыслия одиночки и смелого вольнодумства – так поэт выразил бунт против

многолетнего «охранительного консерватизма» и надоевшего его душе приспособленчества.

С.Я. Алымов в 1948 г. погиб в центре Москвы при странных обстоятельствах: при незначительном движении транспорта был сбит машиной. А восемью годами раньше бывший генерал Ю.И. Гончаренко-Галич, когда был вызван в НКВД, предпочёл смерть бесчестию.

Список использованных источников

1. Алымов С.Я. Биография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chrestomatheia.ru/modules.php?mns=2677&name=ManuscriptClass&op=manuscriptsClass&writer=603>
2. Визи М. Смятение расцвета. Ещё раз о Чураевке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianshanghai.com/history/now/post560>
3. Гончаренко Н.Ю. О моём отце. Публикация Ю. Абызова // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. I. Таллинн: Авенариус, 1996. С. 265-276. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Galic/Galic_2.html
4. Дальний Восток периода интервенции и Гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statehistory.ru/1476/Dalniy-Vostok-perioda-interventsii-i-Grazhdanskoj-voyny>
5. Красноштанов С. Волочаевские дни: история партизанского гимна // Литературная газета. 1979. 23 марта. С. 11.
6. Набоков В. Новые поэты [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Shlosberg/Shlos_3.html
7. Несмелов А. О себе и о Владивостоке // Рубеж. 1995. № 2 (864). 352 с.
8. Ревоненко А.В. Путь к Восточному океану. Сергей Алымов // ХКМ КП 12248/480.
9. Русскоязычная поэзия в Австралии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unification.com.au/articles/read/1880>
10. Творчество. Владивосток. 1920. Октябрь.
11. Туманное зеркало времени. Футуризм на Дальнем Востоке/ ред.-сост. Н.П. Гребенюкова. Хабаровск, 2002. 72 с.